

ЕВГЕНИЙ КЛЮЕВ

АНДЕРМАНИР ШТУК

Серия «Самое время!»

Новый роман Евгения Ключева, подобно его прежним романам, превращает фантасмагорию в реальность и поднимает реальность до фантасмагории. Это роман, постоянно балансирующий на границе между чудом и трюком, текстом и жизнью, видимым и невидимым, прошлым и будущим. Роман, чьи сюжетные линии суть теряющиеся друг в друге миры: мир цирка, мир высокой науки, мир паранормальных явлений, мир мифов, слухов и сплетен. Роман, похожий на город, о котором он написан, — загадочный город Москва: город-палимпсест, город-мираж, город-греза. Роман, порожденный словом и в слово уходящий.

*За помощь в написании романа
автор особенно признателен
Льву Орлову,
Антону Петровичу Фертову,
Елене Антоновне Фертовой,
Вере Кузьминой,
Елизавете Литвиновой,
Павлу Андреевичу Мартынову,
Сэму,
печальному клоуну Пете Миронову,
Рафаэлю Циталашвили.*

1. ПОТОМ НИ ОДИН ПАТОЛОГОАНАТОМ НЕ СОБЕРЕТ

Ребенка называли ЛЕВ.

Зачем людей называют львами? И если называют львами, то почему не называют тиграми, слонами, медведями? Хотя раньше, кажется, было имя Кит. Но потом киты исчезли. А львы остались...

Итак, ребенка называли Лев – не подумавши. Получилось: Лев Орлов... Глупо получилось. Потом его, конечно, не раз спросят: так ты лев или орел? Я грифон – научится отвечать Лев Орлов.

Но это гораздо позднее, потому как сейчас он только что родился. Лев родился зимой.

Родившись, он заорал таким страшным голосом, что молоденькая акушерка чуть не выронила его из рук. Правда, не только из-за этого, а из-за того еще, что обладатель недюжинной глотки был покрыт черной шерстью – с ног до головы – и что совсем юная, бледная и прекрасная роженица, Леночка, увидев ребенка, тоже заорала страшным голосом, изо всех сил стараясь, но не будучи способной отвести от чада ренессансных своих глаз.

Потом Леночка расскажет, что с самого начала была против имени Лев, но Алику хотелось Льва. Алик было полное имя мужа (Алик Саркисович) – и «Львом» Алик явно компенсировал недостаток значительности собственного поименования. Нисколько не заботясь о том, что любой лев, произведенный им на свет, обязательно будет Аликович...

Леночке же слышалось во «Льве» только животное, зверь слышался – и ничего больше. И она боялась родить зверя. Тем более что профессиональная гадалка, к которой на четвертом месяце беременности зачем-то привела ее Нора, что-то в этом роде и предрекла. Сжав руку Леночки так, словно собиралась выдавить из ладони всю правду до капельки, профессиональная гадалка минут десять самозабвенно предавалась анализу линий на покрасневшей коже и в конце концов задумчиво сказала: «Дикое мясо из тебя выйдет, голубушка». Леночка тогда проплакала весь

вечер, а с утра обнаружила, что без содрогания видеть не может желтого цвета: он был главным в одежде профессиональной гадалки.

Боязнь желтого преследовала ее вплоть до самых родов: при виде желтого Леночке становилось плохо – испарина, учащенный пульс, одышка и все-такое-прочее. Нора посоветовала носить темные очки – и Леночка выбрала самые крупные и самые темные, с зеленым оттенком. Она не снимала их до зимы и жаловалась кому попало при первой же возможности: «Хожу беременная, в морозы, вся в черных очках... ужас!»

...глаза от Льва удалось отвести тогда, когда его куда-то унесли. Леночка улыбнулась присутствовавшему персоналу и, виновато вздохнув, стала осторожно сползать на пол.

– Погодите, Вам же нельзя пока вставать, женщина! – закричали ей, но она, не переставая улыбаться, начала медленно, словно во сне, двигаться к двери, про себя удивляясь слову «женщина», обращаемому к ней впервые. И – толкнула дверь, и засемила по коридору. Истекая, между прочим, кровью.

Только спустя несколько месяцев она признается наконец, что просто хотела убежать. Убежать – все равно куда, и пусть никто не найдет. Чтобы это маленькое чудовище в шерсти отдали куда-нибудь... куда-нибудь ведь отдают таких: в зоопарк, в питомник!

Конечно, Леночку привели назад. Уложили обратно на стол. Сказали, что ребенка она больше не увидит никогда: его зарежут и закопают в землю. Ренессансными своими глазами Леночка изумленно посмотрела на говорившего и сказала с трудом:

– Нет. Пожалуйста. Не резать и в землю не закапывать.

Когда Льва принесли кормить, она вздохнула и дала зверенышу грудь.

Волосы потом пропали, а еще раньше Леночке объяснили, что так бывает и что это к счастью. Все равно как в рубашке, значит, родился. Некоторое время с опаской поглядывая на облысевшее чадо, она в конце концов влюбилась в него без памяти: так влюблялась она во все новое. Алик передал Льву желтые пеленки – Леночка по привычке вздрогнула, но страха не испытала: бояться стало нечего.

Вернувшись домой из роддома, она беспрестанно говорила о Льве по телефону, на самого Льва внимания при этом обращая мало. Впрочем, Лев его и не требовал, словно понимая, что Леночке гораздо приятнее рассказывать о том,

как именно она рожала – его. И что, родившись, он весил ровно четыре килограмма: такая точность веселила Леночку необыкновенно. «Четыре килограмма льва, представляешь?» – кричала она в трубку и хохотала. Хохотать Леночка любила больше всего на свете и часто это себе позволяла. Она хохотала даже тогда, когда от нее требовалось просто улыбнуться.

– Не хохочи, Леночка, я сейчас пилить тебя начну, – просил Антон Петрович в манеже, но Леночка хохотала все равно.

Антон Петрович был отцом Леночки и ее работодателем.

Антон, стало быть, Петрович («Почти Павлович!» – иногда шутил он, представляясь) – с псевдонимом Антонио Феери... кто же в Москве шестидесятых-семидесятых не слышал этого псевдонима? Кто же не бывал на представлениях иллюзиониста, чуть ли не больше, чем фокусами, известного своими сухими, как порох, и столь же взрывоопасными замечаниями в собственный адрес и в адрес очаровательной, но явно не слишком сообразительной ассистентки?

– Не хохочи, Леночка, я сейчас пилить тебя начну.

Леночка унаследовала ренессансные глаза отца, каковыми ни с того ни с сего наделила его природа, и немножко материнской пластики: матерью ее была Джулия Давнини, бесследно исчезнувшая пять лет назад женщина-змея. Обстоятельства исчезновения женщины-змеи никогда не проявились: во время летних гастролей на полу в гостиничном номере обнаружили только ее чешуйчатый комбинезон.

Отношения Леночки с отцом на арене были сложными: он, стало быть, перепиливал ее пополам – в ящике, куда сам же предварительно и помещал.

– Я бы мог перепилить ее и без ящика, – объявлял Антонио Феери на весь цирк, – но боюсь забрызгать вас кровью.

Публика нервно смеялась, понимая: фокусник шутит.

Леночка выходила на арену браво – в ослепительном золотом трико, плотно прилегавшем к телу, под жизнеутверждающую музыку – и сразу же начинала хохотать, музыку, к счастью, не заглушая. Смотреть на то, как Антонио Феери с хирургическим выражением лица распиливает ее в ящике, было, скорее, приятно, чем страшно, ибо Леночка хохотала и будучи распиливаемой. Самым же оптимистичным в программе Антонио Феери считался момент, когда – уже после распиливания – верхняя часть Леночки продолжала хохотать, причем с удвоенной силой.

Но вот половинки ящика снова сведены: верхняя и нижняя части Леночки от целительных пассов Антонио Феери, со всей очевидностью, соединяются в ящике («Я бы сшил ее хирургической иглой, только потом швы снимать канителься!»)... — и Леночка хохочет наконец всем своим телом, тело предъясняется публике, а иллюзионист произносит странные слова:

— Если бы мне не удалось соединить верхнюю часть с нижней, оставшуюся жизнь ей пришлось бы хохотать дуэтом.

Трудно сказать, что имеет в виду Антонио Феери... и что он вообще имел в виду, разбрасывая по манежу сухие свои замечания!

Больше ничего такого эффектного от Леночки не требовалось, и все остальное время она просто подавала иллюзионисту цилиндр, бокал, зонт... — разумеется, не забывая хохотать, что к концу программы уже начинало раздражать зрителей.

— Потерпите, — провозглашал Антонио Феери, принимая из рук хохочущей Леночки, например, бокал. — Скоро я опять распилю ее, причем на множество мелких частей, — потом ни один патологоанатом не соберет!

2. НЕ ЦИРКОВОЕ ДИТЯ

Антонио Феери любил дочь больше жизни. Когда-то давно он любил больше жизни Джулию Давнини, но любовь к Джулии всегда была безответной. Впрочем, безответной быстро стала и его любовь к дочери: с тех самых пор, как та соблазном-посланное-ложе отчей-сени-предпочла... ни иначе, ни короче Антонио Феери не называл время, когда у Леночки появился первый кавалер – наездник Реза Абдурахманов, примчавшийся в ее жизнь на лихом коне. Вне лихого коня Резу Абдурахманова Антонио Феери не видел ни разу («Моя дочь полюбила скульптурную группу», – говорил он обычно) – и все пытался представить себе, куда девается лихой конь, когда Леночка и Реза Абдурахманов возлежат на своем «соблазном посланном ложе»: Антонио Феери подозревал, что лихой конь, скорее всего, примостился где-нибудь тут же и тревожно ржет – например, в изголовье... м-да. Но в один прекрасный день Реза Абдурахманов вскочил на своего лихого коня – наверное, прямо с ложа – и исчез из поля зрения. Поле зрения пустовало недолго – скоро в него набилось довольно много народу, и некоторые (Леночка с грустью называла их «нахалями») время от времени даже получали доступ к ложу. Пока, недолго думая (долго он и вообще-то не мог), Алик Саркисович Орлов – шизым, стало быть, орлом – взлетел с подкидной доски, на которой проходила большая часть его жизни, и, сильными крыльями сшибив с ложа очередного «нахала», упал на сие ложе – «как золотой дождь на Данаю», по словам Антонио Феери. «От золотого дождя и произошел Лев», – эпическим тоном повествовал впоследствии иллюзионист, однако сам не особенно в это верил, хоть и был человеком традиционным.

И фокусы показывал только традиционные. К нему относились как к иллюционисту старой школы – не особенно творческому, но на редкость ловкому и аккуратному. Творческими признавали, пожалуй, только его руки – потрясающей красоты руки, каждое движение которых было – танец. Осветители обожали высвечивать колдующие в воздухе белые перчатки, за полетом которых зачарованно следила публика: любуясь, но, разумеется, не отдавая себе отчета в том, что свет-на-руки для любого другого иллюзиониста – помощь сомнительная... Впрочем, не для Антонио Феери: его руки не боялись света. Танец рук был настолько точным и безупречным, что сам Антонио Феери

мог бы не присутствовать на своих представлениях: его гениальные руки легко справились бы со всем без него. Они и в его-то присутствии жили отдельной жизнью. «Я зарабатываю на хлеб руками, – часто говорил он и добавлял: – Не уверен только, что своими».

Его – постоянно одна и та же – программа называлась «Полчаса чудес». Эти полчаса чудес он неустанно возил по всему свету, ни разу не изменив ни одного номера, но успех все равно был ошеломляющим: всякий раз, когда высвечивались порхающие над ареной белые перчатки, публика забывала о том, что уже наизусть знает фокусы Антонио Феери. И за этот танец белых перчаток готова была простить все – даже неумолчный хохот Леночки.

Пусть только танцуют свой танец белые перчатки!..

Так что Леночка могла хохотать совершенно безнаказанно. Родив Льва, она поклялась себе, что цирковым тот не будет никогда. А будет... будет инженером-конструктором! И Леночка накопила грудному Льву кучу машинок и заводных игрушек – впечатления на него, впрочем, не производивших. «Смотри, какой фургончик, Лев!» – возила она перед его глазами невменяемых размеров контейнер. Контейнер пугал Льва – и Лев плакал, а Леночка хохотала.

Алик Саркисович Орлов не разделял Леночкиных идей: он мечтал видеть сына на подкидной доске – и чем скорее, тем лучше, можно даже прямо сейчас, ничего, что Лев – грудной! Больше ни о чем Алик Саркисович Орлов мечтать не умел, ибо в его собственное сознание подкидная доска была встроена от рождения. На подкидной доске он вырос – и все развитие его как личности представляло собой процесс перемещения с верхней ступени «живой пирамиды», куда он угождал непосредственно с доски, в основание этой пирамиды. Мальчиком держали его на плечах четыре орлова, а позднее, значит, сам он стал держать на своих плечах четырех орловых. Пирамида, состоявшая из орловых, считалась «живой», но впечатления такого не производила, ибо прыгуны стояли как мертвые... м-да, как мертвые прыгуны. Было, правда, слышно, что в каждом из них натужно билось живое человеческое сердце: номер проходил без музыкального сопровождения.

А рост Алик Саркисович Орлов имел высокий: до двух метров не хватало какой-нибудь мелочи, так что ему вряд ли удалось бы взлететь над манежем – оставалось только принимать с воздуха более летучих орловых, когда те над его головой от-ку-выр-ки-ва-ли свое. Слава Богу, фундамент под

названием «Алик Саркисович Орлов» всегда вырастал внизу именно в тот момент, когда дальше кувыркаться казалось некуда. Алик Саркисович Орлов был сама надежность. Он никогда не улыбался, но этого от него и не требовалось: лицо Алика Саркисовича Орлова излучало такую неизбывную доброту и приязнь, что любая улыбка на таком лице была бы просто неуместной.

И, конечно, на свет от него мог произойти только лев... если, конечно, это был его лев. Но о том, его ли это лев, Алик Саркисович Орлов никогда не задумывался – он просто сразу сказал: «Мой лев». И добавил: «Прекрасный лев», – уже видя Льва на самой вершине «живой пирамиды».

– Действительно, ничего себе львенок! – откликнулся Антонио Феери, в первый раз за много лет испытав нежность – и почти не узнав ее, когда она внезапно заявила о своем присутствии. Но потом, конечно, узнав и сказав: «Здравствуй, нежность».

Льва в семье стали называть «львенок».

Несмотря на свои четыре килограмма, львенок оказался довольно болезненный – скорее всего потому, что сразу после рождения его начали таскать с собой по гастролям. Алик Саркисович Орлов качал большой головой и постоянно долдонил «закалять-надо-ребенка-закалять-надо-ребенка-закалять-надо-ребенка», но закалять-ребенка ему не давали. Леночку – по совести сказать – чуть ли не радовал тот факт, что львенок, со всей очевидностью, не оказывался крепышом. Тем реальнее рисовался ее мысленному взору привлекательный образ инженера-конструктора: мужчины с внешностью подростка и в толстых роговых очках... интеллигентного-о-о – хоть влюбись! Один такой часто приходил на представления Антонио Феери на Цветном и всегда сидел во втором ряду, близко к форгангу. Непосредственно перед тем, как Леночке выпархивать на манеж, мужчина-подросток коротко вскрикивал: «Браво!»... – и Леночке казалось, что сразу после этого он падал с кресла как подстреленный, на весь номер теряя сознание. Правда, проконтролировать это она никогда не решалась: Леночку все-таки пугала перспектива увидеть его в добром здравии – пожирающим пломбир-с-розочкой.

– Ты замечаешь такого... интеллигентного мужчину во втором ряду слева от форганга? – спрашивала Леночка отца по окончании номера.

– Плюгавенького совсем? – интересовался Антонио Феери.
– Нет, не замечаю: у меня глаз не вооружен.

Леночка обижалась – и, почти не попрощавшись с отцом, назло ему и всему свету отправлялась домой пешком (недалеко, правда: двадцати минут не набиралось!), по дороге вынашивая планы мести Антонио Феери. Вот откажусь с завтрашнего дня ассистировать – пусть попляшет тогда! Я-то, дура, на работу спешила – года с ребенком не посидев... как он, кстати, там, у Валечки, сегодня? Плачет, небось, бедный.

Плакал Лев часто. «Часто, но, слава Богу, тихо, – говорила Леночка. – Он не столько плачет, сколько кукуется».

– Дурная кровь, – качал большой головой Алик Саркисович Орлов.

Имея в виду, понятное дело, не свою кровь (кровь у всех орловых испокон веку была что надо), а женщины-змеи.

– Зачем ты так! – укоряла Леночка, автоматически защищая мать, которой она, впрочем, несмотря на прошедшие несколько лет всего, уже почти не могла себе представить.

Между тем Джулию Давнини действительно считали психопаткой – этому, однако, не удивляясь, ибо, дескать, что взять с итальянки! Русский язык – так, чтобы по-настоящему, – она выучить не смогла, хоть и прожила в России – с укравшим ее, девятнадцатилетнюю, прямо из Италии Антоном Петровичем Фертовым – почти полжизни, все эти годы страшно раздражаясь от того, что никто ее не понимает. Не понимает и не хочет понять: Джулия Давнини считала, что захоти «они все» ее понять – вполне могли бы выучить итальянский: простой же язык, *porca madonna!* Она бранилась, пила, курила и шла в постель с каждым, кто соглашался понять ее хотя бы на один вечер... всегда на один вечер. Правда, Маневич понимал ее чаще других – так, по крайней мере, ей казалось, и женщина-змея иногда предпочитала его в постели тому или иному новому своему знакомому-на-один-вечер. Поговаривали, что женщина-змея умеет читать мысли, – и за это ее даже немножко побаивались... в любом случае – избегая. «Какие вы *tutti* холодный, *porca madonna!*»

Какие вы *tutti* холодный...

Было время, Антонио Феери боготворил ее и прощал ей все. До появления Маневича. Простить Джулию Маневича он не смог никогда – хоть и оставаясь с ней до последнего дня, дня ее исчезновения-из-жизни. Потому что смертью произошедшее с ней назвать было нельзя никак. Джулия Давнини, легенда советского цирка, просто скользнула змейкой между камнями (какие вы *tutti* холодный!) – и никто

больше никогда ее не видел. Комбинезон «змеиная кожа» был явно сброшен впопыхах. Складывая его то... эдак, то опять эдак, Антонио Феери все время повторял: «Я знал, я знал...» — но что именно он знал, навсегда осталось загадкой. Женщина-змея в их жизни больше не объявилась. Тело ее так и не было найдено.

Со дня исчезновения Джулии Антонио Феери пока еще ни разу не произнес ее имени. И не принял участия ни в одном разговоре о ней. Женщина-змея умерла для него полностью — включая имя. Боготворил же он отныне — Леночку: тогда Леночка была дитя. Правда, сама она и потом утверждала, что все еще дитя... Антонио Феери терпеливо верил, пока была возможность и пока не появился Лев: дитя-вне-всяких-сомнений! Только уж больно хрупкое дитя. Не цирковое дитя.

КАК ВЫРАЩИВАТЬ ЗОЛОТУЮ РЫБКУ В ЧЕРНИЛАХ

Предъявите публике стеклянный фужер, наполненный густой жидкостью темного цвета – чернилами – и поставьте его на стеклянный столик перед собой.

Затем выньте из нагрудного кармана шелковый платок, встряхните его и покажите зрителям обе стороны платка, после чего накройте им фужер и совершите над фужером несколько магических пассов.

Осторожным движением снимите платок с фужера – теперь фужер наполнен прозрачной водой, в которой плавает золотая рыбка.

Поднесите фужер с золотой рыбкой к зрителям первых рядов: пусть они убедятся в том, что рыбка живая.

Комментарий

Для этого широко известного трюка вам понадобится полый конус без дна из тонкой черной резины, точно повторяющий форму фужера. К одной из сторон полого конуса, за самый его верх, прикрепите нить с маленьким деревянным шариком на конце. Опустите конус в фужер – просвечивающая сквозь стекло резина создаст впечатление налитых в фужер чернил. Перед началом фокуса налейте в фужер воды и пустите туда плавать золотую рыбку: ни вода, ни рыбка, ни находящийся на поверхности воды деревянный шарик не будут видны зрителям из-за скрывающего их черного конуса.

Покрывая фужер платком, нащупайте деревянный шарик на поверхности воды. Придерживайте его большим и указательным пальцами и поднимайте вместе с платком над фужером: подцепленный за нитку конус скроется в платке, который сразу же после этого, пока внимание зрителей сосредоточено на золотой рыбке в прозрачной воде, рекомендуется спрятать.

3. СОБСТВЕННО, ДАЖЕ АНТОНИО ФЕЕРИ

Когда львенку исполнилось четыре года, Алик Саркисович Орлов сдался: стало понятно, что ни о какой подкидной доске речи уже не пойдет никогда. Ребенка тошнило, когда отец подбрасывал его в воздух. Тошнило в общественном транспорте. Тошнило на качелях и каруселях. Заметили, что его тошнит по утрам – стоит только ему резко подняться с кровати.

По врачам львенка водил Антонио Феери. Обследование было долгим. Диагноз – не то чтобы сильно беспокоящим, но вполне безрадостным. Дед не успел сообщить его, потому что Леночка «об этом» говорить запретила. «Я не вынесу», – предупредила она, и тему закрыли, удовольствовавшись сведением общего плана – о неких незначительных нарушениях мозгового кровообращения. «Пройдет!» – мужественно провозгласила женственная Леночка и стала спокойно жить дальше, убедив себя в том, что головокружения никому еще не помешали стать инженером-конструктором. Отныне, правда, с удвоенной энергией таская львенка за собой: так она понимала материнскую заботу. Таская, значит, везде и повсюду: и на гастроли, и даже на свидания с поклонником из второго ряда слева, который давно уже перестал быть поклонником, – выяснилось, что по профессии он инженер-конструктор и, стало быть, воплощает в себе Леночкину мечту о прекрасном будущем Льва. Со слезами рассказав наконец о таком удачном стечении обстоятельств своему бедному прыгуну с подкидной доски, Леночка оставила Алика Саркисовича Орлова и, печалась, сочеталась браком с инженером-конструктором. По имени Ве-ни-а-мин. Так у Льва появился новый папа.

– Это новый папа, – просто сказала Леночка, когда Вени-а-мин распаковал свои вещи и разложил их по чужим местам.

– А где старый папа? – спросил львенок, приготовившись плакать.

– Старый теперь в Ленинграде.

И это была сущая правда: «старый папа», по нечеловеческой доброте своей, решил, что так будет лучше для всех.

– Почему его отправили на гастроли одного? – озадачился Лев, силясь вспомнить, что такое Ленинград, и почти уже плача.

– Его не на гастроли отправили, а просто один мальчик из Ленинграда очень просил старого папу себе, и папу отдали, – вздохнул дед Антонио. – Того отдали, а этого вот... Ве-ни-а-ми-на, – тут дед Антонио опять вздохнул, – предложили взамен.

Львенок сдержался плакать и внимательно посмотрел на нового папу:

– Потому что мы такого просили?

– Разве он тебе не нравится? – озаботилась Леночка.

– Зовут его... трудно, – честно сказал львенок.

– Зато он научит тебя считать! – выдала секрет любви Леночка.

– Я умею считать. – Львенок сосчитал до десяти и хотел было продолжать, но сбился.

– Вот видишь! – захохотала Леночка. – А новый папа научит тебя считать до ста...

– ...и уедет? – попытался подытожить за нее львенок.

– Я никогда никуда не уеду, – щедро пообещал Ве-ни-а-мин.

И львенок все-таки заплакал.

А считать новый папа начал учить его сразу же, причем не просто числа считать, а всегда что-нибудь: птиц считать, дома, деревья... потом все это складывать друг с другом или отнимать друг от друга. Львенок не понимал, зачем все вокруг нужно складывать и отнимать. В голове его одна птичка и одно дерево не равнялось двум, а равнялось птичке на дереве. А одно дерево и один дом равнялось дереву около дома. Что касается пяти коровок и трех коровок, то все они равнялись стаду. Отнимать же одного зайчика от двух зайчиков он вообще отказывался: ему было до слез жалко как того одного, которого отнимали, так и тех двух, которые оставались.

– Там не два зайчика остается, а только один! – торжествующе сказал Ве-ни-а-мин и совсем не понял ответа львенка:

– Это еще хуже... Давайте я вообще не буду отнимать зайчиков, Ве-ни-а-мин, а только складывать?

– Почему? – задал глупый вопрос Ве-ни-а-мин.

– Потому что чем больше зайчиков, тем лучше!

– Это не факт, – странно ответил Ве-ни-а-мин. – И потом... не называй меня на «Вы» и «Ве-ни-а-мин»: мне это не нравится. Или я тоже буду называть тебя на «Вы».

Львенок задумался. Дед Антонио, которого он любил больше всех на свете, называл его нового папу именно на «Вы» и «Ве-ни-а-мин».

– Лучше тогда называйте меня тоже на «Вы», – махнул рукой он, а Ве-ни-а-мин рассердился и нарочно велел отнимать зайчиков друг от друга.

Тогда рассердился и львенок.

– Я отнимаю себя от Вас, Ве-ни-а-мин, – сказал он и отнял.

Математическая эта операция оказалась единственной, которую он осуществил правильно. Ибо сразу после нее Леночка отправила его к деду Антонио: жить.

– Это потому, что я отнял себя от Ве-ни-а-ми-на, – объяснил львенок, сразу забираясь на колени к деду.

– Эх, львенок ты, львенок, – вздохнул дед Антонио. – Сокровище ты мое.

Сокровищем его называл только дед. Слово было таким, как будто им щекотали, – и львенок смеялся, когда дед говорил ему «сокровище».

В общем, дед Антонио, с этого же дня раз и навсегда отказавшийся от гастролей и выступавший отныне только на Цветном, получил то, о чем мечтал, – Льва. И Лев получил то, о чем мечтал, – деда Антонио. Если учесть, что Леночка и Ве-ни-а-мин получили всего-навсего друг друга, дед Антонио и Лев сильно выиграли.

– Мы выиграли, – сказал дед Антонио, вытащил яйцо из уха Льва и спросил: – Тебе оно там не мешало?

– Нет... – растерянно сказал Лев.

– Тогда извини! – исправился дед Антонио и снова засунул ему в ухо яйцо.

Так и началась их совместная жизнь. Отныне Лев встречался с Леночкой только в цирке на Цветном. Лев прилежно обнимал ее за коленки, а она плакала и гладила его по голове, плакала и гладила по голове, плакала и гладила по голове – и так каждый раз. Иногда она спрашивала:

– Ты скучаешь по маме?

– Нет, Леночка, – честно отвечал он, – мы же часто видимся!

Со дня переезда к деду Антонио он никогда больше не называл ее «мама». Леночка удивлялась, Леночка обижалась, Леночка сердилась, но – оставалась Леночкой.

– Разве ты не знаешь, что я твоя мама? – заглядывала она ему в глаза.

– Конечно, знаю, Леночка! – не отводя глаз, отвечал он и радостно целовал Леночку в щечку... ну что было с ним делать?

«Леночкой» называл маму дед Антонио.

В цирке, во время представлений, у Льва было специальное приставное место в четвертом ряду. Правда, видели его на этом месте только тогда, когда выступал Антонио Феери, а так – он слонялся за кулисами, разговаривал с людьми и животными, валялся на соломе или поднимался в оркестр, где ему всегда были рады: никто из оркестрантов и представить себе не мог более спокойного ребенка – способного просидеть в оркестре час и не сказать ни слова.

– А тебе не хочется выйти на арену и помочь Антонио Феери, когда он выступает? – спросил его как-то Павел-Сергеевич-гобой.

– Нет, – с испугом ответил Лев и смущенно добавил: – Я же не умею колдовать...

– И мама твоя не умеет! – рассмеялся Павел-Сергеевич-гобой.

– Не умеет, – согласился Лев. – Но она там не для колдовства. Ее Антонио Феери распиливает.

– А тебя почему не распиливает? – осторожно спросил Павел-Сергеевич-гобой.

– Я же мальчик! – воззвал к его разуму Лев. – Мальчиков никто не распиливает, я спрашивал у деда Антонио. Он сказал, что иллюзионисты всегда распиливают только женщин, поскольку женщины так специально устроены.

Павел-Сергеевич-гобой, казалось, не поверил.

– Вы телевизор смотрите, когда цирк показывают? – поинтересовался Лев. – Посмотрите в следующий раз. Тогда Вы увидите, что, кроме женщин, во всем мире никого не распиливают.

С тех пор его ни о чем таком не спрашивали в оркестре. И, кстати, напрасно. Он мог бы рассказать им довольно много всего. Например, если бы его спросили об овсяной каше! В каждой тарелке овсяной каши есть такая блестящая зеленая лента: она появляется в самом конце, когда кашу уже съедят. Но если ты овсяную кашу не ешь – или не доешь, то блестящая зеленая лента ни в жизнь не появится, хоть ты что хочешь делай! Многие люди этого не знают, потому как или совсем не едят овсяной каши, или постоянно не доедают ее – ну, и, ясное дело, никогда не видели блестящей зеленой

ленты. Могут, конечно, сказать: подумаешь, блестящая зеленая лента... эка невидаль, но эта блестящая зеленая лента – бес-ко-неч-на! И сколько дед Антонио ни вытягивает ее из пустой тарелки, она не кончается вообще... – иногда даже становится страшно. Страшно, только все равно интересно, и каждое утро хочется побыстрее съесть всю овсяную кашу, чтобы уже начиналась лента! Начиналась и не кончалась. А еще... еще всякие другие вещи Лев бы мог рассказать – если бы его, конечно, спросили. Например, что случается, когда не кладешь зубную щетку в стаканчик, а кладешь ее, например, на раковину в ванной. Тут не успеешь оглянуться – как зубная щетка твоя оказывается на потолке, и ее потом ужасно трудно доставать! Сам Лев, кстати, зубную щетку с потолка вообще достать не может – и дед Антонио сразу не может, даже если на край ванны станет. Единственный выход – вынимать из чулана лестницу-стремянку, забираться на нее и пытаться схватить зубную щетку... а это тоже не всегда легко. Зубные щетки – они больше всего на свете любят под потолком кружиться: как стрекозы. Ловишь ее, ловишь – измучаешься просто весь! Но дед Антонио в конце концов всегда зубную щетку может поймать... даже если на это целое утро уходит. Мою зубную щетку он научился быстрее ловить, потому что я сначала часто забывал ее в стаканчик ставить – и дед Антонио мою привык ловить. Но однажды он свою зубную щетку забыл на раковине – вот это было да! Он ее столько ловил, что нам даже пришлось перерыв на обед сделать... – и мы пообедали, а он ее только к вечеру потом поймал.

Но никто не задавал Льву вопросов про овсяную кашу и зубную щетку... сам же он рассказов про них не начинал, потому что – с какой стати? Сейчас-я-расскажу-вам-про-овсяную-кашу... – так никто не делает! И Лев просто слушал музыку или смотрел на манеж, где всегда происходили всякие вещи... или не смотрел на манеж – это если воздушные гимнасты или канатоходцы выступали. Лев боялся, что они упадут и разобьются. Но когда начинал выступать дед Антонио... Собственно, даже не дед Антонио. Собственно, даже Антонио Феери.

4. БОЛЬШЕ НИЧЕГО

Тут все дело в чем?

Тут все дело в том, что выступавший на манеже был не вполне дед Антонио – еще и потому (а честно говоря, *прежде всего* потому!) Лев не бросался на арену со своего приставного места в четвертом ряду. Нет, с одной стороны, это был, конечно, дед Антонио – какие же тут сомнения! Но с другой стороны... С другой стороны, *этот* дед Антонио никогда не смотрел на Льва, а если смотрел, то как будто не видел. Леночка – с ней все понятно: она посылая Льву воздушные поцелуи, подмигивала и даже несколько раз бросала цветок... свой человек! Но Антонио Феери... время от времени Льву казалось, что он только похож на деда Антонио и что похож он на него нарочно. Чтобы, например, Лев как-нибудь забылся и выскочил на манеж... тут-то Антонио Феери примет свой обычный образ – страшный! – и затолкает Льва в цилиндр. А потом из цилиндра вынет кролика... куда тогда денется Лев?

– Дед Антонио, – однажды все-таки набрался духу спросить он, – почему тебя в жизни зовут Антон Петрович, а на арене – Антонио Феери? Я этого... этого Антонио Феери иногда боюсь.

И тут дед Антонио сказал совершенно непонятную вещь.

– Я тоже, львенок. – Причем голос прозвучал очень серьезно.

По Льву даже мурашки побежали.

– Он... он злой?

– Он не-пред-ска-зу-е-мый.

– Что это такое?

– Никогда не знаешь, чего от него ждать. Но, если я с тобой, – совсем тихо продолжал дед Антонио, – то я его совсем не боюсь.

– Если – *со мной*? – ничего не понял Лев. – Почему?

– Потому что ты один знаешь дорогу от Антонио Феери до Антона Петровича! Тебе одному известны волшебные слова, которые могут превратить Антонио Феери обратно в Антона Петровича.

– А какие слова? – почти шепотом спросил Лев.

И услышал в ответ – тоже почти шепотом:

– Эти слова – «дед Антонио». И права на эти слова никто, кроме тебя, не имеет. Значит, никогда – никогда! – не бойся Антонио Феери. Если тебе вдруг покажется, что он подходит

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.